

Ал. Чекуров

Гензигрет

12+

Ал. Чекуров

Гензигрет

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Ал. Чекуров

Гензигрет / Ал. Чекуров — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Для детей от 7 до 14 лет и взрослых, чувствующих себя немного детьми.
Приключения детей с элементами фэнтези с текстом, доступным для
юношеского возраста и для взрослых.

© Ал. Чекуров, 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Знакомство

Знакомьтесь Вы, уважаемые, читающие эту сказку, с её главными героями, Гензелем и Гретель. Конечно, этих детей зовут не так, страна то наша «рассейская», тут с Гензелями, да и с Гретелями тоже, напряжёнка. Но поскольку этот правдивый рассказ заявлен как сказка, то что-то ведь должно быть сказочное. Будь это Вася и Дася, или Шура и Мура, это никакая не сказка.

Сразу хочу предупредить, чтобы меня не судили строго за необычные слова или за обычных слов коверканье. Это не от безграмотности, а от врождённой тяги к искажению богатого и могучего родного языка. Он, мне кажется, становится ещё богаче. Правда, могучей ли?

А читающие эту сказку малышам обязаны объяснять им значения непонятных слов. К примеру: креативный, востребованный, финансы, компетентная комиссия, ну и тому подобную чепуху.

С родителями героев мы знакомиться, пока, не будем. На маму мы посмотрим издали. А папа на события нашей сказки никакого непосредственного влияния не окажет. Он оказал достаточное влияние на воспитание Гензеля и Гретель. Это уже хорошо. Не все папы это успевают сделать за то время, когда дети ещё прислушиваются к папиному мнению.

Всякие второстепенные персонажи нам пока не интересны, а многие даже ещё и не известны. С ними знакомиться будем постепенно. По мере, как говорят, поступления. Точнее – появления. А то ведь как бывает в незнакомых гостях. Вначале перезнакомят со всеми, запустают, а потом стесняешься и гостишь букой, потому что не помнишь, как кого зовут.

Только, может, запомнил одну вон ту девочку. Приметную такую, симпатичную, Машу. Всё. Потом, только ты и ещё двух-трёх других гостей имена подслушал, а тебя и остальных уже вежливо отправляют по их родным адресам.

В-о-о-т.

Гензель и Гретель – брат и сестра. И если Гензелю уже осенью идти в школу, то Гретель только через целых два года. Мелочь эта Гретель, совсем мелкая.

Вслух этого говорить никак нельзя, обидится. А написать про это можно.

Она читать-то ещё не умеет, знает только две буквы. Одну букву А и другую букву, не А.

Пока она читать научится. Когда ещё подрастёт. Даже если сказку эту прочтёт через лет двадцать. На кого тогда обижаться? Не на кого и не на что. Поздно. Поезд ушёл и огней не видно. Так что сегодня можно написать честно: Гретель – просто кнопка. К сожалению, говорящая.

Как они ладят друг с другом, сами увидите.

Всё. Считаю, познакомились.

И вот эта парочка гуляет с мамой на детской площадке. Вернее, гуляют они вдвоём, а мама гуляет с телефоном.

Все при деле и всем не скучно.

И тут на дорожке, за заборчиком зелененьким, в грохоте и дыму, возникает жёлтая размалёванная машина неизвестной модели и из неё вываливается

Дундель.

Как назвали обалдуя Дунделя его папа с мамой, я не знаю, да и не очень хочется и неважно. Имя Дундель ему подходит больше всех других имён. Так считают не только его знакомые, такие же обалдуи, но и он сам, да и утомлённые им его родные и родители.

Хочу только успокоить пап-мам, бабушек и дедушек, а также и просто взрослых строгих дядь и тёть, читающих себе или деткам эту сказку.

Обалдуй и дундель, – слова не ругательные. Может быть, немножко обзывательные. В умных книжках, в словарях русского языка, можно узнать, что обалдуй – глупый, невежественный, нерадивый человек, болван. Я бы больше обиделся на болвана, чем на обалдуя. Тут, конечно, всё индивидуально. Дело вкуса. Добавлю, что в старину про таких, как Дундель, гово-

рили – без царя в голове. Мне кажется, в Дунделева голове не только царь в дефиците, но и вся царская свита и полцарства в придачу.

Хорошо бы, конечно, не приучать детей и взрослых к обзывательным словам, но обалдуя нарекли Дунделем знающие его люди, а не мы. Почему, уточнять нет смысла. Им ведь виднее. Дундель и Дундель. На этом и остановимся.

Итак. Про этого самого Дунделя сведения имеются такие.

Это совсем молодой парень, которому до взрослого мужчины ещё расти и умом и телом. Характер раздолбайский, нервический. Уже не учится, но ещё не работает.

Примчался он на жёлтой когда-то машине, с дымом и грохотом, на которой столько посторонней краски, слов и рисунков, что модель и лета колымаги (в смысле возраста механизма, ударение в слове лета на букву а) определит только компетентная экспертная комиссия (которая такой чепухой заниматься, естественно, не будет).

С ним подружка его же возраста, похожая на пыльную радугу. В ритуальных, на сегодняшний момент модных и поголовно востребованных чёрных трениках. Вся радуга на руках, лице и волосах. Девчонка худая и едкая, как горчица.

Ещё целиком не выползя из автомобиля, она суёт сигарету в рот, в котором уже есть жвачка, а около рта телефон. Окружающее ей не интересно и презрительно.

Сам Дундель с утра очень озабочен своим финансовым крахом, поэтому выглядит обиженным и мрачным.

Машине его нужен бензин, чтобы ехать. Ему самому нужна еда, чтобы о ней не думать. Его подружке всего нужно столько, что лучше и не вспоминать. И самое главное, на всё на это нужна капуста. Не та, которую едят, а та, которую пилят, лохи зарабатывают. Та, которой платят. По-русски рублики, по-обалдуйски – бабки, хрусты, по-английски – мани, по-турецки, вроде бы, тугрики. В общем, деньги, которых у него хватает только на то, чтобы ими позвенеть в курточном кармане. Одна, то есть, мелочь.

И вот, оглядев за чем-то со всех сторон свой экипаж, заглянув даже под него и постучав ногой по колесу, он замечает Гензеля с Гретель и делает свою первую на сегодня ошибку, назвав их малышняй.

– Ну, что, малышня. Почему одни гуляем?

– Мы не малышня, – сразу дуется Гретель.

Гензель разговаривает неторопливо и солидно: – Не одни. Вон наша мама в жёлтой кофточке.

На другом конце площадки, за толпой бегающих и визжащих малолеток, почти на горизонте, Дундель наблюдает жёлтую кофточку, которая одной рукой держа мобильник, и активно жестикулируя другой, свободной рукой, ходит из стороны в сторону и ведет какие-то суперважные переговоры, может, даже судьбоносные. Пусть судьбоносные не для всех жителей этой планеты. Но кто знает? Приземление на детский полигон самолёта, или, к примеру, начало полного солнечного затмения, события в такой момент незначительные и внимания абсолютно не заслуживающие.

То есть, стрелка контроля за несовершеннолетним контингентом семьи Гензеля и Гретель, возьмём по десятибалльной шкале, стремится остановиться и закрепиться на цифре ноль.

Дундель видит всё это, и у него в голове, совершенно внезапно и вдруг, возникает мысль (что само по себе и неплохо). И он делает уже вторую за этот день ошибку. Начинает претворение этой неожиданности, в смысле этой своей мысли, в реальную жизнь. Похоже, ошибки у него штампуются всё время, быстро и непрерывно, как детские горшки на конвейере.

– Извиняюсь за малышня! Не разглядел тут, в песочнице. В чего играемся? Телефончик, пока вы заняты, не одолжите позвонить? Прямо тут, при вас. Очень важно и срочно надо. Или вы в натуре малышня? Безтелефонная? Мобилу-то не доверили ещё мучить?

– Мой мобильник у мамы, на её телефоне батарейка «села». А Гретель свой дома забыла.

– Не забыла я. Он мне тут не нужен.

Дундель развеселился, – Так это Гретель? Умора. Из пряничного домика? Я сразу и не узнал. На картинке, помню, она по-другому одета. И брюнетка.

Ладно-ладно. Не дуйтесь, пацанва. Я шутки люблю шутить, на шутки не обижаются.

Видали вон агрегат?! Моя машина! Крутяцкий монстр. Могу даже прокатить. Пока я добрый и свободен. Ну, что молчим-притихли? Как мышки под веником.

Предложение, в принципе, неплохое. Машина, тем более такая вся заметная, куда интереснее всяких горок, лесенок и качелок.

Но!!!

Гретель девочка послушная, строгая и кнопка вполне себе рассудительная: – Садиться в машины к незнакомым чужим дядям нельзя.

– Нельзя малышне. И я не дяди и не один.

Дундель вдруг захихикал и махнул рукой в сторону подружки: – Вон с нами ещё тёленька кататься поедет.

– Сам ты тёленька, придурок. На кой нам эту мелюзгу катать?

– Ты сама-то ещё мелочь, протри вон сырость под носом! А ребята эти славные. Обиделись правда. Я обидел. Исправлять надо. Да и не малышня никакая. Так, ребят? Ну? Чего? Дадите нам извиниться и заодно исправиться? Карета подана. Дадим круг и вернёмся. Бойтесь?.

Это был уже вызов и Гензелю и Гретель. Не ответить на него, отказаться, значит трусливо испугаться. Да ещё и признать себя мелкотой.

И они согласились. Прокатиться. Недалеко и не долго.

Никогда так не делайте маленькие, большие и взрослые дети.

А Дундельская мысль была простой и глупой. Увезти детей на дядину пустую дачу, и пугать по телефону родителей. Пугать не сильно, но настойчиво. Типа: нашли двух заблудившихся, зла не желаем. Готовы представить найденных, но рассчитываем на денежное вознаграждение за труды и, в связи с озабоченностью судьбой детишек, за наши не реализованные планы на день и вечер. Больших денег он требовать не собирался, но на приемлемую сумму всё-таки рассчитывал. Как любят говорить фигуранты блокбастеров: – Ничего личного. Просто бизнес.

Подружке идея не очень понравилась, но длинные мысли она думать не умела. Зачем? Да и коротких то было – кот заплакал.

Решили – сделать всё до вечера.

Загрузились в монстра и вперёд.

Глупости уже наделаны. Дорога, свобода, погода. Здорово. Качелки отдыхают.

Под предлогом неотложных дачных дел-забот и знакомства с пригородной природой, под обещание позвонить и успокоить родителей, доехали до дачи.

Гензель с Гретель, конечно, попритихли, но испугаться не очень испугались. На злодея-бандита Дундель никак не тянул, обещал отвезти их домой. Да и здорово ехать вот так, без родителей, под музыкальное хрипение радиоприёмника.

Вот Вам, детки и наука. Нехорошие люди в жизни далеко не всегда похожи на злодеев и бандитов. Дундель, конечно, ни то ни другое. Но в этот день уверенно идёт в ненужном направлении, чтобы стать чем-нибудь вроде злодея и бандита.

Итак, ехали они, ехали и приехали.

Вот уже она,

Дача.

А на даче весело, зелено и просторно. Один котьяра рыжий чего стоит. Мама с папой дома ни собак, ни кошек не разрешают. Даже чужих погладить.

Участок с кустами-ягодами, тропиночки, цветочки, лес сразу за забором. Красота. Домик деревянный, синенький да старенький. Сарайчик со всяким барахлом. Чего в нём только нет. Скучать некогда. Правда, с едой у Дунделя не очень, но зато никто за стол не тянет, есть не заставляет.

Дундель с подругой уехали. Под предлогом позвонить родителям. Что, в общем-то, было правдой. Наказали детям ждать и вести себя хорошо.

Подруга оставаться одна с детьми наотрез отказалась. До станции далеко, соседей рядом никого, считай, нет. Куда ребятки денутся? Дождутся.

Когда приедем, говорят, дела дачные поделаем и к родителям вас доставим.

Дундель то – прямо мафиози. Ведь мобильники у парочки есть. И в порядке. Решил звонить с телефона автомата на станции. Да платформу-станцию выбрал не ближайшую.

Остались ребята одни.

Ничего страшного. Но время терять нечего.

Гензель оказался мальчиком не глупым и осторожным. Он ещё по дороге сообразил, что не так всё, как надо. Решил не скандалить, не орать, да и Гретель пугать незачем. Попытался отвлечь её всякой чепуховой болтовнёй, на что не только маленькие девочки, но и не маленькие тётеньки ведутся. Нравится им и слушать и озвучивать всякую белиберду.

Пока Гретель тютюшкалась с котом, он походил по участку, нашёл дыру в заборе. Забор то высоковатый, а калитку Дундель на замок снаружи закрыл. Полазил по дому, по подвалу, по сараю. Решил, надо подготовиться к худшему. В сарае нашёл старый фонарик, в доме батарейки. В полиэтиленовый пакет положил ещё три пакета с ручками, ножик, два коробка спичек и работающую зажигалку. В две бутылки из-под пива, с винтовыми пробками, налил воды. Нашел хлеб, в холодильнике пару банок консервов, колбасу. Видно, Дундель с подругой частенько на дачу заглядывали или даже здесь жили. Хлеб был не очень чёрствым и колбаса выглядела прилично.

И ведь никто Гензеля заготовкам в дорогу не учил.

Зачем?

Это заметка родителям. Дети должны знать, что делать, оставшись без присмотра и помощи.

Хотя вещи без присмотра, да ещё чужие, брать нехорошо. Гензель, понимая это, рассудил, что обстоятельства складываются совсем необычные и ждать от местной мафии хорошего глупо и непрактично. Значит, действуем в режиме ЧП (Чрезвычайного Происшествия).

Он со всей строгостью оторвал Гретель от кота и на правах старшего брата скомандовал идти на станцию электрички, про которую талдычил подружке Дундель, и ехать домой.

Гретель хотелось взять с собой котьку.

Гензель тоже любил животных, но не до такой степени. Не до котек сейчас.

– Какого котьку? Это целый здоровенный и тяжеленный кот-котяра. Таскаться с ним. Да и дома мама не разрешит, а папа не разрешит совсем, он с мамой не спорит. Потом – здесь котькин дом. Друзья кошачьи и знакомые. Ты чего хочешь, чтобы мы его, как эти нас, из дома утащили?

Гретель притихла, – А нас разве утащили?

– Утащили, не утащили. Мы же сейчас не дома. И никто нас домой не везёт.

Вопрос решён. Время действовать.

Гензелю даже показалось, что кот-котяру оборот дела вполне устраивает, и смотрит он на него, Гензеля, с уважением и благодарностью.

Как только Гретель от него оторвалась, он слинял так быстро, что буквально растворился в воздухе. Что при его размерах и комплекции вполне удивительно.

Выбрались они с дачного участка через заборную дырку, и сразу попали в Лес.

Лес-то не бурелом да чаща. Светлый, солнечный. Ветерок ветками качает, чего-то жужжит, шуршит, в траве мелочь какая-то шныряет, дятел дерево долбит, как пулемёт. Нашли тропинку, да и пошли на станцию. И поступком этим разом поломали все Дунделевы финансово-преступные замыслы.

Да только любой лес, это Лес, с большой буквы. В лесу стрелок- указателей север, юг, туалет там или железнодорожная станция нет.

По тропинкам и дорожкам, не так скоро, но вышли они опять к той же дырке в знакомом дачном заборе.

Солнце уже перевалило сильно за полдень. Тени от деревьев легли на забор и на часть сада за ним.

Гензель, как самый старший, а следовательно, по определению, самый сообразительный и командир, принял решение – идти без тропинок, так, чтобы тени падали прямо на них, навстречу свету. Идти в одном направлении, желательно, по прямой.

Похвала лишней не бывает, Гензель – мальчик не глупый. Но ещё дошкольник и живёт в городе. Никто ему не объяснил, что солнце ходит по кругу, и тени, как на солнечных часах, всё время меняют направление. И Гензель с Гретель тоже шли по большому кругу.

Время шло, лес менялся к худшему, и темнело. Тропинки растворялись до невидимости. Станция, дома какие-никакие или дорога большая так и не появились. Гретель устала. Не плакала. Сопела, но шла молча.

Надо было что-то делать.

Для начала сделали привал. Выбрали полянку на пригорке и на поваленном дереве устроили стол и на этот же стол, на бревно то есть, сели сами. Такое веселье, стол и стул одно и то же, Гретель понравилось. Настоящее приключение. С помощью ножа и камня, которым Гензель стучал по ручке ножа, расковыряли консервы. Колбасу и немного хлеба Гензель оставил в сумке, на всякий случай, на потом.

Этот парень меня прямо удивляет и радует.

Привал на стволе дерева хорош для еды, но не хорош для ночёвки, а без ночёвки уже было никак не обойтись. Становилось прохладно, темно и жутковато. Даже Гензелю. В темнеющем лесу не очень уютно. Чётких теней от деревьев уже не было. Солнце пока ещё освещало небо, но само уже спряталось.

Пошли наугад, дойти до станции или найти место для ночлега.

Каким должно быть это место?

Кто знает.

Подходящим.

Стемнело. Хорошо их двое, не так страшно в ночном лесу. Оба устали. На очередном пригорочке присели у огромного раскидистого дерева. Прислонились к теплому ещё стволу. Гензель перед этим подстелил пакеты, чтобы не сидеть на голой земле. Впервые в жизни обнял Гретель. Так теплее и веселее. Они пригрелись, прижавшись друг к другу, и незаметно задремали. Надо бы, конечно, собирать веток посуше и соорудить костёр.

Сколько спали, неизвестно, но разбудила Гретель брата в полной темноте. Звёздное небо куполом, вот и весь свет. Только на куполе этом столько звёзд, столько звёзд. Столько, сколько не бывает.

– Зачем разбудила? Ночь во сне переждать быстрее. Куда идти, ничего не видно.

– Вон светится огонёк.

Гензель почувствовал, что замерз, да и Гретель мелко дрожала. От холода, а может ещё и от страха.

Как он ни вглядывался, кроме ближайших деревьев, кустов и темноты за ними, ничего не видно.

– Показалось, нету никакого огня.

– Нет есть, есть! Вон он есть. Я же вижу.

Спорили, спорили и, наконец, Гензель сдался. Сидеть здесь холодно, лучше двигаться. А вдруг и правда там, за темнотой, кто-то есть.

– Ладно. Идём на свет. Только не ныть и не бояться. Показывай, куда идти?

– Вон, вон он помаргивает.

– Ну, пошли.

Гензель попробовал включить фонарик. Кусты рядом осветились очень хорошо, но в сгустившейся за ними темноте вообще ничего не видно, от этого стало только страшнее. Фонарик пришлось выключить. К тому же, мало ли что. Надо беречь батарейки. Фонарик может ещё очень пригодиться.

Шли довольно долго. Какие-то огромные, судя по треску веток, птицы шарахались наверху. Под ногами тоже всё двигалось, ползало и шебуршилось.

Где-то не близко, но страшно, подвывали не то собаки, не то волки. Гензель сказал, что собаки.

– Собаки не воют, а лают, я знаю, – прошептала Гретель.

– Бывает и воют. Помнишь, как собака у дядьки в деревне выла, когда он на дудке своей дудел?

Да и откуда здесь волки? Не зоопарк же разбежался? Город недалеко.

Леса все хожены-перехожены. Хотя именно этот ночной лес тянул на настоящую глухую буреломную чащу.

Сказать, что Гензель совсем не испугался, будет неправдой. Испугался, и очень. И уже подумывал остановиться где-нибудь до самого утра.

Шли, шли, продирались через заросли чего-то и Гензель вдруг тоже увидел огонёк. Такой жёлтенький, тёплый, мерцающий. Как его Гретель раньше разглядела? Вот глазастая!

Огонёк становился всё ярче, ближе и оказался маленьким квадратным окошком в доме на лесной полянке. Такие маленькие окошечки бывают в старых-престарых деревенских домах и в игрушечных домиках на детских площадках. Но сам дом был довольно большой, тёмный на фоне леса. Лавочка у забора, открытая калитка, колодец. Дом из брёвен, крылечко, низкая деревянная дверь.

Делать нечего, надо заходить.

Гензель постучал тихонько, потом сильнее, кулаком.

Дверь распахнулась, дети зажмурились от света, яркого после ночного леса, хотя горела только круглая стеклянная лампа в руке у хозяина. Не электрическая, с настоящим живым пламенем и ручкой как у ведёрка. Из дома потянуло теплом и душистым запахом то ли сухой травы или, может, сухих цветов.

В дверях стоял худой дяденька, не больно высокий, бородастый и лохматый, но совсем не страшный.

– Дошли-таки, молодёжь? Ну, милости просим. Да вас аж качает. Уморились? Ну давайте, давайте в дом. У нас и чаёк только вскипел, прямо для вас угадали в такую поздноту. Мы и не ложились ещё, будто вас ждали. Покушать соберем. Есть чего. И варенье и мёд найдётся к чаю.

– А попить, кроме чая?, – попросил Гензель.

– Только вода из колодца. Да в дом-то зайдите.

– Вода кипячёная?

– Кипячёный только чай. Да ты не бойся, дочка, у нас вода чистейшая и никому повредить не может. Даже наоборот.

В доме оказалась ещё тётя в цветастом платье с белым фартуком. Она заахала, заохала, быстро потащила детей мыть руки и за стол. Мыть пришлось холодной водой из жестяного умывальника. Сели за стол. Стол большой, деревянный. Никаких скатертей или салфеток. Стулья тоже деревянные, с толстыми квадратными ножками и тяжёлыми спинками, большая

деревянная лавка у стены и ещё часы старинные на стене, с гирьками на цепочках. Похожие часы, только поменьше, не такие громкие и тоже с кукушкой, висели у детей дома, в их комнате. На столе толстые белые свечи горели тёплым жёлтым пламенем.

Дядьку звали Буков. Имя чудное. Тётеньку – Эва.

– А вы Гензель и Гретель, – удивился Буков – папа с мамой сказками зачитываются, любят братьев Гримм? Нам такую книжку приносили, детям читать. Хорошая книжка. Ну, пусть себе. Имена как имена. А вы чего одни, в лесу, ночью, без мамы-папы, без взрослых?

Вспомнив маму с папой, Гретель чуть не заплакала. Пошмыгала носом.

Вступилась Эва.

– Хватит разговоров, дай ребятам поесть спокойно, потом расспросишь.

Телефона у них не оказалось. Буков сказал, что такой механикой они не пользуются. Нужды нет, да и самой техники.

На столе круглый, нарезанный крупными ломтями мягкий и очень душистый черный хлеб, варёная картошка, мясо, соль, молоко в больших глиняных кружках, овощи, зелень.

Кушать что-то не особенно и хотелось. Дети, так, поклевали немножко, поотвечали на вопросы, что, как, да откуда. Отвечал в основном Гензель. Он всю историю рассказывать не стал. Приехали на дачу, заблудились в лесу и всё.

Дядька смотрел на него хитрющими глазами, улыбался, хмыкал, поглаживал бороду. Глаза у него яркие, блестящие, чуть не искорки в них кружатся.

– Ладно, ладно. Устали вы, спать пора. Время позднее.

Поселили их в маленькой угловой комнатке, тёплой и уютной, с веселенькими занавесочками на квадратном окне. Легли на одну деревянную кровать, широченную, застеленную белоснежным бельём. Но у каждого своё пестрое одеяло в пододеяльнике, своя подушка. На такой кровати и пятерым не тесно.

На разговоры и мысли сил не осталось. Уснули, как в яму темную провалились.

Проснулись.

Солнышко за окошком.

Вставать не хотелось. Одолела послесонная истома. Лежали, тянулись.

Но всё равно уже наступило

Утро

и с утром с этим что-то было не так.

Буков и Эва стояли у кровати, смотрели на детей во все глаза, и вид у них был какой-то не вчерашний. Какой, непонятно, но улыбок и приветливости вчерашней точно не было.

Гретель почему-то захотелось плакать, слёзки вот-вот закапают. Гензель никакой тревоги не чувствовал, просто, совсем немножко, было не по себе.

Смотрели друг на друга и молчали.

Первым очнулся Буков.

– Т-а-ак. Они здесь. А время уже к полудню. А они здесь. Беда, Эва, беда. Слышал про такое, но чтоб с нами. Такое последний раз было лет тридцать, наверно, назад. Или даже тридцать пять. К кузнецу напросился на ночёвку парень. И тоже остался.

Ладно, пусть встают, чего уж теперь-то. Мыться и за стол. Кушать. А уж потом думать. Думать, что делать. Ты Буську найди. Может, что подскажет. Беда.

Говорили они непонятно, и от непонятности этой стало как-то неудобно.

Хозяева удивлённые какие-то и, по всему видно, обеспокоенные. А чем? Где ещё быть Гензелю с Гретель, если они на этой кровати уснули. Кровати по ночам не ездят. Да и днём тоже, если их не двигать из комнаты в комнату.

Встали, помылись, пошли к столу.

Дети, однако, ели с аппетитом. Ели, как будто их неделю не кормили. Кушали все молча, только часы старинные на стенке громко тикали. Да кукушка из часов выпрыгнула, чтоб разок

кукукнуть и опять за дверку спряталась до следующего часа. Значит, уже час дня, неплохо поспали.

Поели.

Буков встал, буркнул что-то неразборчивое, вышел. А Гензель с Гретель, сытые и расслабленные, расползлись на стульях. Идти никуда не хотелось. Волноваться тоже. Всё само разрешится. Узнают, куда к станции идти и тогда уже пойдут.

А может, и отвезут их?

На стенах никаких обоев или там краски. Простые брёвна. Над дверью прибита подкова, тёмная, тяжелая, не такая, как в сувенирных магазинах продают.

Надо бы вставать и опять идти. Вперёд, до дома.

Только дорогу у хозяев разузнать.

И тут из-под двери, а похоже, прямо сквозь закрытую дверь, в комнату вкатился теннисный мяч. Даже не мяч, а шар, как будто из дыма или тумана сделанный. Прокатился по цветному вязаному половичку, повернул к лавке у стены и на эту лавку запрыгнул. Стал пухнуть, тихо шелестеть, как сухие листья на ветру, темнеть. Тихий хлопок, и вместо шара на скамейке оказался маленький, меньше Гензеля, старичок. С бородкой, но лицо гладкое, мальчишеское. В курточке, штанишках с бретелькой через плечо. Ножки босые в воздухе болтаются, до пола не достают. Старичок хихикнул, повертел головой и, спрыгнув с лавки, протопал к столу. Ловко залез на стул Буковский и взялся за булку со стаканом молока, которые ему быстро подсунула Эва.

Ел с аппетитом, не спеша и поглядывал на открытые детские рты.

Эва засмеялась: – Вижу, доволен! Цирк устроил. Народ удивил. Впору деньги с публики собирать. А здравствуйте где, или утро доброе? А познакомиться. Гости у нас. За столом ведь сидишь. Дать ещё булочку?

– Булочку дать. А утро не шибко доброе, – кивнул старичок на детей, – да и не утро давно, солнце далеко за полдень. Здравствуйте, гости дорогие. С Эвой мне здороваться не надо, я то не в гостях, это и мой дом, и виделись мы уже с ней сегодня. Поговорить, правда, не успели, спешил я. А рты можно закрыть. Зовут меня Бусимир.

– И по каким же таким делам ты так спешил? – засмеялась Эва, – и не слушайте его, Бусимиром его никто здесь не называет. Знакомьтесь. Это Гензель и Гретель. А это Буська, домовой.

– Здесь не зовут. А не здесь и люди культурные, зовут Бусимиром, и обращаются на вы. Имена у вас сказочно не современные, да и наши для вас, так я понимаю, тоже в диковинку. А ходил я к мастеру Кевлу, для дома кое-что заказал и сговорились не за дорого. Дашь на дашь, обмен. Завтра, может, уже готово будет. Пойду забирать.

– Боюсь, у тебя уже сегодня дел прибавится, – вздохнула Эва, – и на завтра ещё останется. Пойдём на воздух, Буков зовёт. Он в сараюшке, ребятам мешки заплечные сделал.

– У них это рюкзаки называется, – Буська явно любил поважничать, – ты в Землю ихнюю не ходишь, вот и не разбираешься.

Пошли в сараюшку.

Гензель шёл и думал. Как так? Эву никто не звал, во всяком случае, он не слышал. Из дома она не выходила. Откуда знает, что Буков рюкзаки сделал и зачем рюкзаки. Не могли они с Гретель в какую-то уж совсем даль зайти. Ну, заблудились чуть-чуть. Не в тайге же.

Гензель в тайге никогда не был, но знает, что она огромная и часто непроходимая. Так до неё долго на поезде ехать надо или на самолёте.

Шли они сюда долго, но не два же дня и не три. Дойдут до станции. На электричку – и домой. Денег надо у хозяев попросить на дорогу. Потом вернём. Им с Гретель, вообще-то, кажется, можно и бесплатно доехать, ведь дети, но лучше не рисковать и внимания к себе не привлекать.

Буська дёрнул его за рукав: – Денег у нас не водится, только в городе, электричек здесь тоже нет. Лошади есть.

– Цыц, Буська, – построжела Эва, – Сейчас сядем рядком и решать будем ладком, как ребяташек домой переправлять. Ты знаешь? Не знаешь. И я не знаю.

Гретель ничего не поняла, а Гензелю это всё очень не понравилось.

Буков сам вышел к ним навстречу. Расселись на улице, кто где. Буська вообще в траву бухнулся, руки за голову, нога на ногу. Дети на поленьях у стенки пристроились, Буков выхватил из сарайчика табуретку и сел напротив.

– Так, народ. А именно гости дорогие. Слушаем внимательно, задаём вопросы, советуем, если есть что посоветовать.

Дети!

Гензель и Гретель!

Самое главное. Мы все с вами живём на Земле, но в разных мирах. Земли наши разные. Вы на одной Земле, мы на другой Земле. Мы в ваш мир можем зайти, а значит, и выйти, к себе вернуться, так уж мы устроены. А вы в наш – нет.

Буков помолчал, и продолжил.

– В вашем мире нас называют скрытые люди и ещё всяко-разно, но смысл один – вы нас у себя не видите, когда мы на вашу Землю ходим, а мы вас видим. Мы к вам приходим, а звучим по своему. А настроимся на ваш звук, – вот вам и чудо, не было никого рядом, и вдруг есть. Вы так не умеете.

Нет, Гензель, привидения – это другая история. Об этом попозже или, может, в другой раз. Даже лучше в другой.

Дальше.

Вы можете иногда к нам попасть. И попадаете. Очень редко, когда природа в каком-нибудь месте, случайно, открывает дверку между нашими мирами, потому что наши миры рядом, или друг в друге, как матрёшки. Я в этом не сильно разбираюсь, да мне и не надо. Так уж всё устроено. Вы оказываетесь у этой дверки, и вот, здарсьте, Гензель и здарсьте Гретель, вы в гостях у дядюшки Букова.

Конечно, никаких дверей с ручками и замками на самом деле нет. Но в таких местах, чаще вечером или ночью, или в грозу, или не поймёшь когда и от чего, на какое-то время открывается проход. И вы через него проходите. Кто на минуту, кто подольше, а потом вас выбрасывает обратно. Может почти сразу, или погода. Но утром обязательно. Сегодня вас тут уже никак не должно было быть. Вы должны быть у себя.

Дверка дверкой, но и от человека тоже многое зависит, какой он. Или от его настроения. Устал, испугался, во сне или сам человек для нашего мира подходящий.

Гретель девочка, думаю, не простая. Очень не простая, очень чувствительная. Она ночью подстроилась к нашему миру. Она его не увидела, она почувствовала наш мир, наш дом и свет в нашем окне. Поэтому окно светило только ей. А когда вы подошли ближе, произошёл переход, и вы оказались у нас.

Утром вы должны были проснуться в своём мире, на полянке в лесу, никаких домов, Буковых и Бусек, а проснулись здесь, в нашем. Это бывает очень-очень редко. И кто не возвращается в свой мир, остаётся здесь.

Гретель не очень во всём разобралась, но поняла, девочка она не простая, особенная. Да она и раньше это знала. Конечно особенная. А как же? А Гензель не особенный.

Вот здорово. Пусть теперь подразнит, она и носом не поведет, внимания на него не обратит.

Но вот насчёт здесь остаться, это плохо. Только не плакать.

Гензель понял почти всё. Параллельные миры. Папа про них любит поговорить. А мама ругается, чтобы не морочил детям голову чепухой.

Но его занимало совсем другое:

– Дядя Буков, нам домой надо. А как же нам теперь попасть домой? Где эта дверка. И нас там увидят, когда мы вернёмся? И откуда вы с Буськой знаете, что мы думаем?

– Называйте меня просто Буков. Во-первых, ваши громкие мысли знают все.

– Телепатия, – встрял в разговор Буська.

– Ну да, наверно. Тебе виднее, ты там у них часто шлындаешь, мудрёностей нахватался. Мы разговариваем голосом, но можем и молча. А ещё когда далеко друг от друга, или что-то нас сильно тревожит и надо кому-то, что-то сообщить, мы обходимся и без голоса, и без радио вашего и телефона. Я ни того ни другого и не видел ни разу. Мы просто соединяемся мыслями, и всё. А картинки можно в голове посмотреть, или воды в кадку налить.

А как вам попасть домой, в свой мир, я не знаю. Вашего дома в нашем мире просто нет, как у вас нет нашего. Мы у вас бываем, кто чаще, кто реже, кто никогда. Эве, например, это не нужно. Не хочет, и всё. Да и мало кто хочет. Делать нам у вас нечего. Если что-то там понадобилось, можно зайти.

У Буськи в вашем мире друзья живут, домовые, вместе с людьми. Их на вашей Земле много. Не только своих, но и нашенских. Им там нравится. Хозяева домов и всё такое. А как вас домой переправить? Мне так не известно.

Чем мы можем помочь?

Мы можем сообщить вашим родителям, что вы живы здоровы. С одной стороны, я думаю, торопиться не надо. С другой, родители ваши сейчас вас ищут и наверняка насмерть перепуганы вашей пропажей. Поэтому надо их хоть как-то, хоть немного успокоить. Это мы сделаем.

И самое главное, вам здесь долго оставаться нельзя. Вы сейчас настроились на наш мир, но эта настройка чужая, не ваша. Вы в нашем мире можете просто погибнуть. А можете и не погибнуть. По времени, сколько вы безопасно можете у нас жить, не знаю, у всех по-разному. Вы – дети. Вы, ну, совсем молоденькие, в мир только пришли и всем мирам больше открыты. Вам легче. Но всё равно у вас, я думаю, времени не много. Может, месяц, может два. Но кто знает? Рисковать нельзя. Надо всё равно делать всё как можно быстрее. Всё, чтобы вернуться.

Последний раз в наш мир, вот так же, без возврата, попал молодой парень. Он даже немного пообвыкся. Но прожил чуть больше месяца. Стал слабеть, чахнуть. Знахари наши и врачи городские помочь не смогли. Да и быстро всё случилось. День, два и нет парня.

Мы тут посоветоваться успели. Вам одна дорога – к Старику. Он, на самом деле, не такой уж старик. Ему лет тридцать. Ну, для вас, конечно, совсем молодых – древний дед. Старик колдун, не добрый и не злой. Строгий. И много чего знает и может. С вашими дела имеет. А ещё и совсем не с вашими и не с нашими, а с прилётными, которые не только по мирам, но и по планетам разным путешествуют.

Гензель совсем растерялся. Сон, что ли, такой снится. Какой колдун, где его искать? Какие прилётные?

– А вы нас не можете к нему отвести?

– Боюсь всё испортить. У нас так, без спросу заявляться, не принято. Я ему не брат, не друг, я даже его не видел никогда. Помогать кому, он поможет. Но просто так чужие к нему ходить опасаются. Ему это не надо. Продыху тогда от гостей не будет. А если кто такой смелый, лезет к нему с пустяками и думает, что его проблем Старику не хватает и приходит без спросу, это его дело.

У Старики свои заботы и делает он только то, что он считает нужным. И это правильно. И беспокоить его без важного дела не стоит. Да и просто опасно. В лягушку не превратит, но если кто будет приставать, накажет точно.

У вас дело важнее. И вы – дети. А дети у нас главнее всех. Их не балуют, их просто очень любят. Идите к Старику смело. Дороги у нас не опасные. Леса тоже.

Что Гретель девочка не простая мы поняли, а он, наверно, уже знает.

Да про вас уже вся округа знает, любопытствуют, вопросы задают. Я связь с народцем нашим пока приостановил, думать мешают.

Так вот. Спешить не надо, но время терять тоже не будем. Я вам тут рюкзачки сделал, Гензелю рюкзак побольше. Сейчас Эва соберёт вам поесть да попить в дорогу, полотенчики там, платочки, мыло, зубы почистить, она сама сообразит, что ещё надо. Она ещё плед пополам разрешила, укрыться ночью. Вы небольшого росточка, каждому укрыться хватит. Старик живёт в другом лесу-чащобе. Идти до него дня два-три, сам я не ходил, люди сказывали. Карту, как идти, я вам сейчас нарисую.

С вами, до Вешиноного хутора, Буська пойдет. Далеко ему отлучаться нельзя, у домовых свои дела-заморочки. Ну, свои правила и трудности.

Веша парень хороший, проводит вас до опушки лесной, а там, дальше, вы уж сами. Поверьте, мимо Старика не пройдёте.

Вопросы?

Гензь поёрзал на полешках, и всё-таки спросил, – А много ещё разных миров?

– Сколько, не скажу, но я представляю себе так, что много. Вы ведь в городе живёте?

– Ну да, в городе.

– У вас там лестницы, этажи, квартиры. Так? Я для себя представляю, также и с мирами. Двери на замках, но иногда не нарочно или, наоборот, специально, не заперты. Шёл, шёл наверх. Сунулся по ошибке в незапертую дверь, а она за тобой захлопнулась.

Чем выше этаж, тем тоньше и мир. Вы уж не обижайтесь. Мы к вам на этаж спускаемся, вы к нам поднимаетесь. Ниже этажом, вашим миром, тоже есть мир. Неприятный. Грязь одна и серое небо. Мы туда не ходим.

Вы к нам случайно попали, в открывшуюся дверку угодили. Ну, через переход.

– Через портал, – тихо буркнул Гензель.

– Пусть так. А мы к вам можем приходиться запросто, по своему хотению. И никаких порталов нам не надо.

– Порталов, – поправил Гензель.

– Пусть порталов. Выше идти сложнее, не все могут, а то и никто. У вас говорят про седьмое небо, у нас тоже. Но где это и как это ни вы, ни мы не знаем. Только догадываемся. А есть такие люди, даже не люди, а такие, как бы вам сказать, даже не знаю.

– Сущности, – встрял Буська.

– Ну, пусть сущности. Они могут быть везде, и преград для них нету. И нет почти ничего невозможного. Они сами создают, если надо и преграды, и, эти, порталы, да? Для них не проблема.

А ещё другие двери, этажи и лестницы. И миры. Даже не миры, а, как бы сказать. Как ульи с пчёлами. Каждая пчёлка – мир. Один улей, другой, и целая пасека.

Миры огромные и малютки. Простые и сложные. Разные. И нам не известные. Для чего и почему, одному богу ведомо.

Это все сложно. Старик, может, поболее моего расскажет. А мы люди простые. Живём себе и в эти премудрости не шибко вникаем. Сказки да истории про таких, как вы, слушаем.

Ладно. Слова не дело, откладываем смело. Осталось ещё одно, неотложное.

Для начала, расскажи господину Бусимиру, где вы живёте.

Подробно.

После обстоятельной информации от Гензеля перешли к неотложному.

– Теперь дело.

Гензель, грамоту знаешь?

– Это читать что ли? Меня папа и мама к школе готовили, я и писать умею. Только отдельными буквами.

– Я тут попросил, мне принесли бумагу и карандаш. У нас тут писанина не очень распространялась, но по-вашему читают многие. Пиши. Мама папа, не волнуйтесь. Мы далеко ушли и заблудились. Сейчас в доме. У хорошего человека. Телефона у него нет. Нас приведут домой, но примерно через неделю или две, потому что хозяин сейчас отлучиться из своего дома не может. По важным обстоятельствам. Если задержимся, ещё напишем.

Эву это письмо развеселило, – Буков, да ты прирождённый врун. Целую обманную историю сочинил. стыдоба. Вот кто узнает.

– Не слушайте её. У нас тут не сильно поврёшь, даже если очень захочешь. Письмо ваше Буська переправит своему приятелю, а уж он подкинет его родителям. Неча людей мучить пока вы в походе. Конечно, они могут удивиться. Письмо передали, а чего сами с почтальоном не пришли или не сказали, куда нам, родителям то-есть, подойти за детишками своими. Но делать нечего. Пусть хоть знают, что вы живы-здоровы и в безопасности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.